

Сюй Цичэнь с трудом заставил себя умыться и привести в порядок. Натянув домашние шорты и футболку, он спустился вниз. Час стоял поздний, да и Франция — не Китай с его бурлящей ночной жизнью: встретить сейчас кого-то на улице было сложнее, чем столкнуться с призраком, так что опасаться быть узнанным не приходилось.

Подойдя к бассейну, Цичэнь внезапно подумал: а не глупая ли это шутка Линь Жаня?

«Только бы не розыгрыш», — мысленно попросил он.

К счастью, у края воды действительно темнела фигура. Одетый во все чёрное, Линь Жань почти растворялся в ночной тени.

— Линь Жань?

Услышав оклик, тот обернулся. На нём всё ещё была та самая бейсболка, которую Цичэнь надевал на прослушивании.

Рассмотрев сонно прищуренного Цичэня — точь-и-точь взъерошенный хомяк, которого бесцеремонно вытащили из норки, — с торчащими от ветра вихрами и узкими плечами, тонущими в безразмерной футболке, Линь Жань вдруг почувствовал, как настроение само собой взлетело до небес.

— Ты совсем спать не хочешь? — голос Цичэня звучал сонной гнусавостью.

Линь Жань тихо усмехнулся:

— Это же наша последняя ночь в Ницце.

Цичэнь шмыгнул носом:

— И что с того?

— Сбежать и не устроить себе настоящее приключение — просто преступление, — он подошёл ближе и мягко обхватил запястье Цичэня. — Одолжишь свой велосипед?

Только тут Цичэнь заметил припаркованный в тени съёмочный велосипед. Линь Жань привычным движением перемахнул через раму и, вскинув подбородок, бросил через плечо:

— Запрыгивай назад.

Сонный разум Цичэня ещё плохо соображал, поэтому он лишь послушно кивнул и уселся на

багажник. Но не успел он нормально устроиться, как Линь Жань со всей силы давил на педали. Велик рванул вперёд. От инерции Цичэня откинуло назад, и охвативший его страх свалиться на ходу заставил судорожно податься вперёд и вцепиться в спину спутника.

От Линь Жаня веяло тонким, едва уловимым ароматом: прохладным древесным шлейфом кедра и горьковатой свежестью срезанных стеблей. Удивительный запах — словно посреди душной летней ночи обнимаешь древний лес, погребённый под толщей снега.

— Не гони так быстро...

— Ладно.

Предостерегши его, Цичэнь перехватил руками край сиденья. Ногам на узкой раме места не находилось, приходилось держать их на весу, что было жутко неудобно.

И всё же ласковое прикосновение ночного бриза дарило невероятное блаженство. Пожалуй, впервые с момента попадания в этот мир Цичэнь позволил себе дышать полной грудью и просто наслаждаться моментом.

Линь Жань молча крутил педали, и эта тишина над прибрежным шоссе казалась удивительно гармоничной и умиротворяющей.

Заметив круглосуточный мини-маркет, Линь Жань притормозил, юркнул внутрь и уже через пару минут вернулся с двумя баночками мороженого.

— Держи, — он вложил пакет в руки Цичэня, снова вскочил в седло и повёз его дальше, к уединённой бухте, усыпанной причудливыми каменными глыбами.

Оставив велосипед на песчаной полосе, Линь Жань шагнул к воде. Цичэнь покорно поплёлся следом, сам не понимая, зачем идёт за ним — впрочем, он и своё согласие на прогулку в три часа ночи логически объяснить не мог.

Линь Жань опустился прямо на песок, и Цичэнь присел рядом, выдержав дистанцию сантиметров в тридцать. Заметив это, Линь Жань повернулся, сдёрнул бейсболку и козырьком назад нацепил её обратно:

— Чего так далеко? Опасаешься меня, что ли?

Цичэню ничего не оставалось, кроме как подвинуться ближе, сократив расстояние вдвое.

— Давай одно сюда.

Цичэнь только наклонился, пытаясь разглядеть названия вкусов на баночках, как Линь Жань уже пододвинулся вплотную и сам забрал одну.

Он сидел настолько близко, что их плечи соприкасались, и тепло его тела контрастировало с прохладой морского ветра.

Цичэнь снял крышку со своего стаканчика и вытащил пластиковую ложечку, но прозрачная обёртка никак не поддавалась.

Заметив, как он возится, Линь Жань забрал ложку, ловко поддел упаковку зубом, легко надрезав пластик, и вонзил освобождённую лопаточку прямо в мороженое.

«А клыки у него и впрямь хищные», — промелькнуло в голове у Цичэня.

Он уже зачерпнул порцию и занёс ложку над губами, когда Линь Жань невзначай спросил:

— Язвочка во рту прошла?

Цичэнь молча кивнул и отправил мороженое в рот.

Линь Жань тоже зачерпнул немного из своей баночки. Вкус оказался освежающим, с приятной кислинкой и солоноватой ноткой. Взглянув на этикетку — «Морская соль и лимон», — он поинтересовался:

— А у тебя что за вкус?

— Э-э... Роза и имбирь, — ответил Цичэнь.

Линь Жань фыркнул:

— И как?

Цичэнь одарил его весьма неоднозначным взглядом:

— Своеобразно, но... в целом вкусно, — затем кинул взгляд на рисунок сочного лимона на упаковке спутника. — А твоё?

Линь Жань хитро усмехнулся:

— Замечательное.

На лице Цичэня застыло такое явное любопытство, что Линь Жань покрутил в пальцах свою баночку:

— Хочешь поменяться? Попробуем вкусы друг друга.

Цичэнь закивал, точно голодный птенец.

Вот только привычного обмена стаканчиками так и не последовало.

Вместо этого...

Линь Жань подался вперёд и накрыл его губы своими.

Яркая лимонная цитрусовая свежесть мгновенно ворвалась внутрь. На кончике языка сплелись воедино кислинка, сладость, розовая пряность и лёгкая имбирная острота — вкус переплелся самым бесстыдным и прямолинейным образом.

Поцелуй застал Цичэня врасплох. Он так и остался сидеть с распахнутыми глазами, глядя на Линь Жана в упор. Длинные ресницы того касались переносицы Цичэня — трепетно, едва ощутимо, словно дыхание ночного моря.

Он был абсолютно беспомощен перед этой мягкой, влажной напористостью. Настойчивый язык проникал всё глубже, а тающий сливочный крем на губах казался хитроумным капканом, не позволявшим вырваться.

Ресницы Линь Жана вновь щекотнули переносицу. Он приоткрыл глаза, и их взгляды встретились — в темноте его зрачков плясали лукавые искры.

— Закрывай глаза, глупенький, — прошептал он прямо в губы, не прерывая дразнящего, глубокого поцелуя.

Эти слова прозвучали словно заклинание. Цичэнь послушно смежил веки. Мир погрузился во тьму, оставив только их двоих. В отличие от того яростного, съёмочного поцелуя, нынешний был полон бесконечной, бездонной нежности. Цичэнь словно тонул в тихой морской пучине: каждое прикосновение языка забирало остатки кислорода, лишая возможности дышать.

Сознание туманилось, плыло. Цичэнь почувствовал, как конечности теряют чувствительность, а сам он начинает заваливаться назад. Но сильная рука тут же обхватила его за талию, притягивая к горячему телу Линь Жана, а вторая ладонь скользнула выше, зафиксировав затылок. Пальцы ласково зарылись в волосы на затылке, выбивая из тела мелкую, дрожащую дрожь.

Дыхание Цичэня сбилось, превратившись в рваные, жалобные звуки, похожие на скулёрж беспомощного щенка.

Он попытался упереться ладонями в грудь Линь Жаня, собрал последние силы, чтобы немного оттолкнуть его, но тот легко перехватил его кисть и сжал пальцы в замок, не оставляя шанса на сопротивление.

Линь Жань вёл себя подобно задыхающейся от жажды рыбе, упоённо и без остатка выпивая его до дна.

Лёгкие горели от нехватки воздуха, мысли окончательно выветрились, как вдруг сквозь сплошной поток ласки прорезалась лёгкая острая уколкa — Линь Жань шутливо, едва заметно прикусил кончик его языка. В тот же миг Цичэня словно пронзил электрический разряд.

Когда Линь Жань наконец отпустил его, прохладный ночной воздух хлынул в лёгкие. Цичэнь захлебнулся вдохом и зашёлся мелкими кашляющими смешками. Линь Жань мягко поглаживал его по спине, словно успокаивая ребёнка, а второй рукой бережно удерживал за щёку, точным движением большого пальца стирая с уголка губ следы мороженого.

Цичэнь вскинул на него растерянный взгляд.

Линь Жань лишь тепло улыбнулся, снова сжал его лицо в ладонях, несколько раз трепетно клюнул в губы и крепко привлёк к себе, заключая в объятия.

И прямо на ухо ему прилетел шёпот, сливающийся с шумом прибоя:

— Очень вкусно.

<http://bllate.org/book/20431/2134749>